

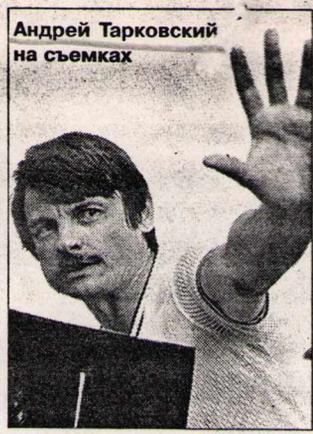
Тарковский Андрей

Был уже глухой застой. Я пребывал в загоне. И держался лишь на некотором количестве качественных дружб. Это было все — и мое общество, и моя подмога. Иногда и моя кормежка. Все что угодно. И прибежище, и пристанище...

Однажды мы с одним из таких друзей, художником, не договорились, и сказали друг другу какие-то гадости, и даже слегка подрались. Я очень страдал. С этим страданием пошел в мастерскую к Мессереру — к Белле, поскольку это был наш общий друг. А Мессерер, как магистр светского общества и мастер правил, вдруг сказал очень спокойно и гениально: — Значит, передружили... Сейчас я вспоминаю тех людей, с которыми недодружил. Я оказался на острове Готланд. Место удивительнейшее — по красоте, чистоте. Море, скалы, закаты-восходы. И напротив, через Балтику, угадывается в тумане родина — Петербург. Все родное. И к тому же это еще остров. Родное и чужое, и в то же время я узнал, что Тарковский там снимал «Жертвоприношение».

чик, скрипка, дружба с пролетарием на катке. Все ясно. Есть такой человек. У меня еще ничего практически не было напечатано. Вдруг раздается звонок в Ленинграде. «Говорит Андрей Тарковский». Что ж, большая честь... Надо еще понимать, что ленинградцы в загоне — все славы возникают в Москве. Ревность огромная. Одновременно жажда признания огромная. И тогда мне было очень странно: он тоже обо мне слышал... Мы встретились. В отеле. Коньяк в номере. Я — с молодой красивой рыжей женой. Выпиваем. Нравится он мне внешне. Почему-то так в моем представлении и осталось: похож на гасконца...

считаю, конечно, что это гениальный фильм. Там такие татары-иностранцы... Такая мука менталитетная была у Андрея. Так она благородно выражена. Короче говоря, он думал о настоящих вещах. Об очень глубоких. Но... Интересно, что форма зашифрует содержание. Мне приходилось в последнее время об этом думать. И пока советская власть вела формальные споры о форме, славу художественную можно было получить именно за счет формы. И боролся именно с формой. Андрей предлагал новое кино, другой, более современный киноязык — вот все и воспринималось: как красиво, да как по-новому, да как нельзя. Да как не позволит Госкино или ЦК. Но там было еще содержание. Вот в чем все дело. К восприятию этого содержания никто не был готов. Там такие муки... Что такое Россия? Что такое насилие и что такое на-

ника — не понимали. Это нормально. Но я-то понимал. И, как и положено было мне, провинциалу, ленинградцу, еще почти не напечатанному, — к его репутации относился с ревностью. И тем не менее: ведь он же ко мне подходил — и раз, и другой. И вот теперь я думаю: как же одинок он был!

ФАКУЛЬТЕТ НУЖНЫХ ВЕЩЕЙ

Это такое место... паромчик переходит еще на один островок, Фаро. А там Бергман отшельничает. Остров практически необитаем. Никого, кроме Бергмана. А Бергман сам необитаем. И там, на острове, среди камней до горизонта — какие-то мхи, лишайники и камни. Красота. Стоит среди этих скал туалет, хорошо срубленный, — скандинавы понимают в дереве. Одна кабинка — просто, а другая — для инвалидов. Душа моя русская взвыла, потому что пропасть цивилизации еще раз дала трещины в моем опыте. А Тарковский тут снимал. И такая фраза мелькнула в разговорах: он там что-то снимает, ему что-то такое нужно, он ждет какого-то тумана и какого-то заката-восхода. И вот наконец наступило. Все говорят: «Ну все! Мотор!» А он: — Нет. Слишком красиво. И не снял. Такая там местная история: нет, слишком красиво...

Какая Гасконь? Но все-таки гасконец, д'Артаньян. Шпаги только не хватает. Скула у него такая очень характерная... Ну а с другой стороны, — какая-то сухость. Поджарость. Легкость. Вот он и вошел в таком образе. Я еще, наверно, доучивался. Потому что вскорости оказался на какой-то картошке, что ли, от Горного института. Слякоть. Мрак. «Догоним Америку по мясу и молоку!» — вот это был какой момент. Самое начало 60-х. И по всем этим дождям, в глине, в картошке, в клубе сельском — фильм «Иваново детство». Набилось народу — не продохнуть. И я помню, что нашел себе место на печке. Так я впервые увидел Тарковского: на одной стене плакат «Догоним Америку по мясу и молоку!», с другой стороны — я на печке в щель между трубой и стеной смотрю на экран, на лошадь, которая то ли жует, то ли топчет яблоки. Дождь идет. И я в восторге. И думаю: не зря — и морда такая хорошая, и про «Каток и скрипку» я слышал.

силе над насилием? Это же проблема России... Россия становится свободной, когда появляются Наполеон или Гитлер. Внутри она сама себя насилует, а уж когда еще ее сверху кто-то насилует — тогда она становится человеком. А потом опять саму себя надо насиловать... Но весь этот объем муки, да еще на фоне более модных либеральных состояний — он просто не был виден... Да еще только-только начинался спор между славянофилами и западниками — новорожденными, недограмотными, не имеющими отношения даже к недопрочитанному XIX веку. Значит, сразу подозрения: чего ж это про Россию-то, а? Андрей — с репутацией гения, которая шла по чисто внешним условиям... А худож-

Тарковский был гений. Это не значит, что все у него шедевры. Гений — это развитие до самой смерти. (И в ней самой. И после.) Непрерывная линия. В те самые оттепельные годы, в которые я с ним познакомился, все происходило так: никто информацией не располагал, информации официальной ни о чем хорошем вроде бы не было, — но все друг другу, как пчелки, пыльцу носили: кто какое-то имя услышал, кто какую-то книжку достал. Была такая писательница Роза Хуснутдинова (а может быть, и сейчас есть, затаилась...). Красивейшая татарка. Действительно, роза с удивительной такой, волшебной, сюрреалистической прозой. Сказочной. И вот вдруг она мне говорит: «Я видела замечательный фильм. Гениальный. «Каток и скрипка» называется. Диплом». И называет имя Андрея Тарковского. Про папу Тарковского тоже еще никто не знал... Но я уже услышал: есть такой Андрей Тарковский, который снял гениальный фильм. Трогательная история: маль-

шние сценарные курсы. Андрей уже «Рублева» снял. Позвал на премьеру. На которую я сумел каким-то образом не пойти... Сейчас думаю: то ли я был влюблен? то ли слишком гулял? то ли уже тогда посмотрелся Годара с Бергманом и раздулся внутри себя? Как не попал я на эту премьеру? Встретились мы, потому что он читал нам лекцию, — слушателям Высших сценарных курсов. Знакомых у него там не было. Мы вышли вместе. Пошли к ЦДЛ по Герцена. Уже близко. Он только что прочитал «Сад», мою неопубликованную тогда вещь, рукопись, которая ходила по рукам. Еще никакого самиздата не было. Он хвалит очень и говорит: — Тебе надо прочесть «Лолиту». Это мне очень напомнило «Лолиту». — Какую «Лолиту»? — Набокова. Имя Набокова я слышал. Про «Лолиту» услышал впервые... «Лолита» — это 1956 год. А «Рублева» я посмотрел много лет спустя. И в общем,

за одного битова
ведущий рубрики-андреибитов

И однажды получил я ответ — когда уже стали за Андреем печатать все — заметки, записки — как за классиком, там была вот такая сердитая строка: «Никуда не хочу ходить, никого не хочу видеть... Ну что — зайдешь в ЦДЛ, встретишь пьяного Битова... Не пойду». Обидная строчка. И заслуженная. Дружил я, правда, с его отцом. Но уже не было Андрея. Или нет, сначала еще был. Но отец достоин отдельного мемуара. И когда я вглядывался в Арсения Александровича — необыкновенного красавца, — я узнавал в нем некрасоту Андрея. Как будто бы отец был сыном... По славе, во всяком случае, так и было. А Арсений Александрович показывал мне их династическое единство тем, как он был легок. Он без своей ноги просто летал. И был похож на птицу. Потом, что мне нравится, — сын папу любил. И не случайно эти стихи отца, звучащие за экраном: «Как сумасшедший с бритвою в руке...» В результате — сижу я в натуре Тарковского, в месте Бергмана и смотрю единственный фильм Андрея, который там был. «Сталкер».

КИНОИКОНА Андрей БИТОВ

Дубль

Памяти Андрея Тарковского

Немой размытой фильму	Он так изображенью раг!
Все тонет в стареньком тумане —	Его экран в заплатах манит...
Забор, дорога, поле, лес	За ручку водит аппарат,
С коровой на переднем плане.	Вот он уже киномеханик.
Жует корова по слогам,	Никто кино смотреть
Квадратно бьется пульс на вые,	нейдет,
И драгоценно по рогам	Хоть фильма выше всяких кристик.
Стекают капли дождевые.	Но кто-то сверху дождик льет...
	И, значит, у него есть Зритель.
Никак мгновенье не поймать —	Из-за застрехи чердака,
Так миг отрывает капли краток....	Кривой из-за дождя
И, значит, это — аппарат,	кривого,
И, значит, это — оператор.	Смерть так понятна и близка —
	Как расстоянье до коровы.
Сосредоточен и красив,	Он зршит в чердачное окно
Его волнует диафрагма,	И слышит снизу плач ребенка.
Он заслоняет объектив,	Так начинается кино.
Как сына — старенькая мама.	Но в это время рвется пленка.

6 июня

